

УДК 82 – 3., 821.51., 908

С.С. Динисламова

Особенности и закономерности творческого пути Ю. Шесталова

Аннотация. Юван Шесталов обогатил родную поэзию новыми жанрами, выработал свою манеру письма, свой стиль. Стихи, поэмы, повести, публицистические очерки, эссе писателя представляют не только высокое мастерство самого автора, но и показывают возросший уровень развития мансийской литературы и обозначают его новые ориентиры.

Ключевые слова: Шесталов, Юван, поэт, Языческая поэма, Миснэ, фольклорная традиция, творчество, роман-сказание, роман-камлание.

S.S. Dinislamova

Features and regularities of a creative way of Yuvan Shestalov

Annotation. Yuvan Shestalov has enriched native poetry with new genres, has developed own manner of his writing and style. Verses, poems, stories, represent publicistic sketches, essays of the writer present not only great skills of the author, but also show the increased level of development of Mansy literature and signify its new reference points.

Keywords: Shestalov, Yuvan, poet, Pagan poem, Misne, folklore tradition, creativity, novel legend, novel-kamlanie.

Юван Шесталов принадлежит к числу писателей, которые, опираясь на предшествующий опыт, прокладывают свой путь в искусстве слова. При этом его достижения столь значительны и самобытны, его художественный синтез столь плодотворен и столь представительен в российском и мировом литературном процессе, что есть все основания называть его основоположником родной мансийской литературы. Юван Шесталов обогатил родную поэзию новыми жанрами, выработал свою манеру письма, свой стиль. Стихи, поэмы, повести, публицистические очерки, эссе писателя представляют не только высокое мастерство самого автора, но и показывают возросший уровень развития мансийской литературы и обозначают его новые ориентиры.

Проблематику книг мансийского писателя в значительной степени определили его детские и юношеские годы, когда зарождались личностные, психологические проблемы, формировались нравственные и духовные принципы. Отметим некоторые моменты жизненного пути писателя, повлиявшие на формирование его мировоззрения до обращения к литературному творчеству. Детство поэта прошло в

таежной мансийской деревушке Квайк-я. Рано потерял близких людей: дедушку, бабушку, мать. С восьмилетнего возраста Шесталов живет в новой семье отца в хантыйском поселке Теги. В годы учебы в школе обучение велось на русском языке. Первое стихотворение сложил в двенадцатилетнем возрасте. В старших классах обучается в школе-интернате поселка Березово. Этот период жизни для будущего поэта знаменателен тем, что он стал свидетелем открытия первого газового фонтана в Сибири; событие стало переломным не только в жизни родного края, но и в самом сознании Шесталова: «В ту сентябрьскую ночь вздрогнула земля. Взревела. О, что тут стало! Страшным нам показалось небо <...> За нашей каменной школой, на краю поселка, там, где вчера железной лестницей в небо стояла буровая, теперь в ночи полыхал огонь. Грозный огонь, которому суждено было встряхнуть край, обновить его. Наше ребяческое внимание скоро привлекла профессия геолога» [1, 37].

Возможно, после окончания школы Шесталов мог бы избрать себе путь геолога (газовика, нефтяника), но по рекомендации окрисполкома поступает в Ленинградский пединститут. Там

он встречает наставников, убедивших талантливого студента обратиться к литературному творчеству. Это были преподаватель мансийского языка Алексей Николаевич Баландин и преподаватель литературы народов Севера Михаил Григорьевич Воскобойников. Ученым принадлежит определяющая роль в осознании необходимости поэтом создания нового типа национально-поэтической культуры. Шесталов с благодарностью вспоминает: «Только в Ленинграде, далеко от родных мест, я научился понимать и чувствовать красоту и возможности языка моего маленького народа. Вероятно, этого не произошло бы, если бы не было животворного воздействия русского языка» [2, 4].

Юван Шесталов начал писать в конце 50-х годов XX века, более зрелое проявление его таланта происходит в 60-е годы, которые характеризуются заметным оживлением всего литературного процесса. Для поэтов этого времени был характерен не только поиск новых художественно-изобразительных средств стиха, но и обращение к существующим сторонам духовного мира современного человека, многообразие тем и актуальность вопросов, взятых из самой жизни. Согласно А. Белой «60-е годы – время, отмеченное глубинным процессом переосмысления многих прямолинейных социальных представлений о личности человека, время реабилитации национальной истории, возрождения интереса к народу, его исторической судьбе» [3, 80]. В эти годы сильнейшей переоценке подвергся комплекс жизненных и нравственных ценностей, господствовавших в годы сталинской идеологии. В книге «Сто лет русской литературы» (1995) В.М. Акимов, анализируя литературу времен «оттепели» (1956-1968), пишет: «Шумной и освежающей, хотя и мутной волной прокатилось поколение через литературу в конце 50-х и начале 60-х гг. Оно же первым приняло на себя жестокий удар литературной и партийно-идеологической номенклатуры, отнюдь не собиравшейся отпускать литературу с поводка. Этот удар нанес «молодым» тяжелую травму, и немногие из них сумели оказать серьезное сопротивление нажиму» [4, 193].

О противоречивости 60-х годов свидетельствуют высказывания многих исследователей. Одни считают, что в этот период «в условиях зрелого социализма возрастает роль, значение

человеческого в человеке, ценность духовная, нравственная» [5, 31], другие это время характеризует «началом постепенного угасания общественной мысли». П.С. Выходцев об этих годах пишет: «Сложные вопросы времени стали часто решаться поверхностно, а многие нравственные проблемы отвлеченно <...> Давало себя знать и просто стремление к популярности» [6, 544]. Автор считает, что поэты в своем творчестве шли не столько «вглубь», сколько «вширь».

Юван Шесталов как писатель рос со своим временем. Сама эпоха диктовала и определяла содержание его творчества. Часто в произведениях он решает темы большого общественно-го звучания:

Сибирь – и зимою, и летом
Сияет народам в веках.
И греет она полпланеты,
А искры – во всех языках. [7, 227]

В его первых стихотворениях звучат и взволнованные строки о судьбах других народов. Его беспокоит положение в Конго и Алжире, расистский разгул Ку-клукс-клана и призрак Хиросимы. Стихотворение «Дикари двадцатого столетия» (1960) заканчивается страстными словами:

Ловили бы арканом, как оленя,
Томили б жаждой и стегали плетью,
Когда б меня не спас великий Ленин
От дикарей двадцатого столетия! [1, 152]

Чувством сопричастности к эпохе, сознанием долга перед ней продиктована и поэма «Кара-Юйа, или письмо за океан» (1968) – произведение, осуждающее войну во Вьетнаме. «Ужели ваши каменные лбы сморщились от ужасов, творимых силами вашими в чужой земле?» – обращается поэт к городам Соединенных Штатов, посылающих своих солдат уничтожать мирные города далекого Вьетнама. Подобный яркий публицистический накал будет свойствен Шесталову на протяжении всего творческого пути. Его поэзии, как справедливо подчеркнул Л.В. Полонский, присуща «высокая гражданственность, боевая активность, яростное вторжение в жизнь, жажда служить своим стихом передовым идеям века» [8, 18]. «Идеи века» формировали мировоззрение поэта. Его стих действительно служит строительству новой жизни, славит судьбу возрожденного

северного народа. Конечно же, лучшие песни его о родном крае. В поэзии 1960-х годов напоенной тонким лиризмом, поистине слышится дыхание родной земли, аромат тайги, тихие всплески волн на Оби, пьянящие запахи лугов:

Что за запах! Что за свет!
Вновь до сердца я согрет!
Как ладонь руки родной,
Солнце ласково со мной! [7, 48]

И хотя фольклорной архаики в ранних произведениях поэта еще не присутствует, но в полной мере сохраняется национальный колорит описаний. Проследим, как постепенно расширяется диапазон художественной мысли Шесталова начиная с ранней поэзии до настоящего времени.

Начальный период творчества Шесталова нами определен 1955-1961 гг. В это время поэт создает произведения на родном языке. Первое его стихотворение – «Сянь» («Мать») (1955). Шесталов вспоминает, что работал над ним в течение года, что говорит о его серьезном подходе к литературному творчеству. С самых первых стихотворений он оттачивает свое мастерство. Обращение же к образу матери у поэта было глубоко осознанным, об этом свидетельствует его дальнейшее творчество.

Первые опубликованные стихотворения Шесталова – «Ас» («Обь») (1956), «Тэлы» («Зима») (1956). Они напечатаны в 1957 году в Ханты-Мансийской окружной газете «Ленинская правда» и в журнале «Нева». С этого периода читатель начинает открывать для себя поэзию Шесталова.

Сборник стихотворений поэта «Макем ат» (1958) («Аромат моей земли») издан на мансийском языке. Через год он стал ядром книги на русском языке «Пойте, мои звезды» (1959). Переводы стихотворений выполнены М. Дудиным. В 1960 году выходит небольшой сборник «Маньси павлын няврамытн» («Детям мансийских деревень»), в 1961 – сборник «Миснэ». Темы книг связаны в основном с поэтическим изображением явлений и персонажей родного края. Душа начинающего поэта тянется к северной природе, где он находит созвучья своим настроениям и переживаниям: «Я смотрю, как вольно, / Обь моя играет. / Плещет так привольно, / Сердце замирает» [9, 38]; «Этот воз-

дух до зари / Мне поет: «Пиши! Твори!» [9, 48]. Закономерность обращения к теме природы, к теме своей «малой» родины кроется в том, что корни нравственной чистоты начинаются, прежде всего, с родной земли. Духовное богатство определяется тем, как человек относится к окружающему миру и своему народу. Шесталов показывает такие качества человека, как духовное благородство, доброту, сердечность и на основе этого утверждает прекрасное в самом себе: «Пугай, зима, гляди волчицею, / Бураном вой, гуди в трубе. / Я сберегу березку чистую. / Я не отдам ее тебе» [9, 42]. Воспевая родные леса, реки, поэт радуется и новым преобразованиям: «Много дней – долгих дней – / Не был я в тайге моей... / Кровь бурлит, и сердце тает: / Край мансийский расцветает!» [1, 34].

Главная тема сборника «Пойте, мои звезды» (1958) – открытие широкому читательскому миру поэзии мансийского края. Шесталову удалось передать дух народа, его волшебное ощущение жизни и бытия. В. Косихин об этом скажет: «<...> прекрасно, что юноша закинул свои поэтические сети в тот омут, у того плеса, который ему был лучше знаком» [10, 205]. Родина поэта – это река детства, это священные для каждого манси родные лес, небо, звери и птицы. В краю Шесталова «белым бисером звенит», «крыло вьюги пляшет, кружит», «снег хрустит, куда не встанешь», «слышен сосен сонный шорох», «лунный лес звенит», «звезды на снегу блистают». Сердце поэта растревожено вопросами: «неужели счастье снова улыбнется?», «сердце, сердце, правда ль ты обретаешь крылья?». Поэт не скупится на выражение чувств любви к родной земле. Его точные символы-сравнения, образность, связанная с живой природой, вырисовывают одну из особенностей всего его творчества.

Многие стихотворения сборника датированы 1956 годом и написаны Шесталовым на родине, в поселениях Квайк-я, Малеевка, Ванзентур. Мы видим, как после трехлетней разлуки, прибыв в родные места, поэт радуется красоте края, близким людям. «И каждая тропинка, и каждый ручеек. Здесь качалась люлька моя берестяная; править юркой лодкой я научился здесь; здесь впервые я почувствовал и нежный трепет рыбы, и человеком себя

почувствовал» [11, 67]. В его лирике запечатлен идейно-эмоциональный слепок мироощущений. Особой любовью овеяно все связанное с природой, слышно трепетное звучание лесной жизни и человеческого сердца, растревоженного красотой, причем состояние природы тождественно состоянию души героя:

Что за запах! Что за свет!
Вновь до сердца я согрет!
Как ладонь руки родной,
Солнце ласково весной!

Крик синиц – как звон струны,
Запах смол и скрип сосны...

Все травинки в тишине
«Сын мой! Сын мой!» – шепчут мне. [11, 48]

Вместе с поэтом мы вдыхаем запахи леса, видим ослепительный солнечный свет, чувствуем тепло весеннего солнца. Лирические произведения несут в себе легкость выражения мыслей и чувств, своеобразное постижение действительности.

Параллельно с современной тематикой в сопряжении понятий: родина, земля, человек, время, у поэта звучит и тема прошлого. По рассказам взрослых Шесталов знает о прошлом своего народа. В стихотворении, посвященном отцу, есть такие строки: «Было время, когда, / Не пугаясь кары, / Дед отца моего / Проигрывал в карты!». Поэт благодарен русскому народу, освободившему народ манси не только от многовековой эксплуатации, но и от темноты и невежества. Он понимает, что эта свобода пришла на основе революционных преобразований, вот почему часто в его произведениях звучит радость освобожденного человека. В поэме «Сказ Оби о Ленине» («Миснэ») он обращается к вождю со словами признательности и любви:

Было все, но не сегодня
Стало вечным, стало новым,
И улыбка человека
Стала щедрой – не скупой.
Это ленинскую радость
Носят люди, как обнову!
Слышу голос новой песни –
Спой ее погромче, спой! [9, 20]

Подобный романтический пафос характерен для всего творчества Шесталова. Поэт не стесняется открыто выражать свои чувства. Он старается воодушевить читателя. Певец

«социалистического обновления и расцвета» (Л. Чуднова, Б. Невская, А. Полонский, Д. Романенко, В. Лебедев, В. Огрызко) – такое определение сложилось о нем в литературной критике [12, 86]. Подобные определения создают некий стереотипный облик поэта, но не ущемляют его достоинств, т.к. своим творчеством он доказывает, что способен освещать разные темы. А произведения, посвященные веяниям советского времени, говорят о его высоком чувстве патриотизма, «образованности» и «цивилизованности». Шесталов – манси. Его глубоко волнует судьба народа. Этим чувством в конечном итоге и объясняется его обращение к патриотическим темам. С именем Ленина манси связывают свою лучшую долю. Только при Советской власти они оказались в благоприятных условиях подъема общественного самосознания. Патриотическую тему раннего творчества Шесталова объясняют и биографические факты. Отец поэта в детстве был проигран дедом в карты и долгое время батрачил у купца. Лишь революция вернула ему свободу, человеческое достоинство, сделала счастливым.

Сборник «Миснэ» (1961) подвел итог начального этапа творческого пути поэта. Особый интерес в нем вызывают традиционные сравнения и сами образы: в отличие от первой книги поэта («Макем ат», 1958), они приобретают все более глубокое и содержательное значение. Свое название сборник берет от мифологического образа Миснэ – доброй лесной феи, помогающей охотникам на промысле. Этот образ у поэта в стихотворениях трансформируется: сначала она – «красивая, как северный край», «горячая, как жаркий костер», в ее глазах «пылает горячее солнце, согревающее и радующее людей»; затем Миснэ предстает народным идеалом красоты. Серьги в ушах мансийской девушки – красивые птички; золотое солнце играет на ее обветренных щеках; брови у нее, как две рыбки, плывущие в разные стороны; наделена она голосом «звонкого лебедя». В танце девушка «извивается как скользкий налим, скачет она, как резвый лосенок, изгибает ногу в олений рог, плывет она, как весенний гусь». Но вот образ становится все лиричнее, затаеннее; из сказочной феи Миснэ превращается в мать, родину:

Мое сердце родилось
в сердце моей матери,
Сердце моей матери родилось
в сердце Миснэ,
Сердце Миснэ родилось
в сердце моего народа,
Сердце моего народа родилось
в сердце моей любимой Родины. [9, 8]

Центральными в сборнике являются темы Родины и исторического пути народа манси. Они раскрываются поэтом автобиографически. Сюжеты стихотворений «Мой отец родился в старое время» (1959), «Моя мать была мансийской девушкой» (1960) – история судьбы отца и матери станут позднее одной из центральных тем его прозаических произведений.

Сборник «Миснэ», по мнению А.Н. Баландина, заставил заговорить о молодом поэте как о реформаторе национальных художественных традиций. Ученый пишет: «Заслуга Шесталова в развитии мансийского стихосложения состоит в том, что он, преемственно сохранив хореический размер и присущую мансийской народной песне ритмомелодику, в своих стихах решительно преодолел сковывающее влияние мансийского параллелизма и создал новый тип стиха на основе рифмы» [13, 5]. Также Шесталов ввел новые для мансийской литературы жанры: политическую лирику («Сон» (1959), «Грустные песни» (1959) и др.) и краткие десятистрочные стихотворения, названные им «песнями-стрелами». Эти стихотворения имеют прямую дидактическую установку, в двух последних стихах каждого текста точно названа мишень, в которую выпущена стрела. Так, например, стихотворение «Хоть язык он свой и знает, а на нем не говорит» (1960).

На начальном этапе творчества у поэта еще мало художественных обобщений, философичности повествования – это придет с годами. Отдельные поэтические произведения многословны, прямолинейны, с повторяющейся тематикой. Так, темой одиночества после утраты матери объединены стихотворения: «Мать», «Нет у меня бедного...», «Дорогая северная земля», «Золотая мама», «Березовый сок». Несмотря на несовершенство некоторых стихотворений, отмечается особый талант начинающего поэта – в его произведениях органичная связь с народом и культурой манси. Поэт не

замыкает интересы только историей, судьбой народа и пределами родины. Его беспокоит положение в мире. В творчестве Шесталов кажется намного старше своего возраста. Примечательно то, что он уже с первых произведений учится оттачивать каждую строку, экспериментирует, украшает стихотворения образами, сравнениями, светлыми красками. Поэт смело вводит в текст мифологические образы (Миснэ, Танварнэква, Хыньотыр, Куль), использует традиционные устно-поэтические тропы: «У грозовой тучи черное лицо», «комары носатые», «серб серпастого месяца». Однако арсенал тропов еще не богат, некоторые из-за частого употребления девальвированы: «Рука солнца с пышной косой», «Жаркое солнце с золотой косой», «Нежная рука солнца с пышной косой». В дальнейшем его интерес к народному творчеству возрастет и станет определяющим элементом писательского стиля.

С 1960-х годов в советской литературе интенсивно развивается жанр повести, в которой национальное своеобразие находит более яркое выражение. Перспективным направлением молодых литератур Севера и Дальнего Востока является развитие в них художественного очерка и публицистики. Шесталов в числе других писателей-северян обращается к прозе. Возникновение же лирической прозы как качественно нового явления в молодых литературах Сибири, Севера и Дальнего Востока связано с его именем. Так начинается следующий этап творчества Шесталова. Сначала он создает многочисленные газетные статьи о людях своего края, короткие рассказы, зарисовки, которыми талантливо передает местный колорит. Затем созданное мастерски включает в сюжеты повестей «Синий ветер каслания» (1964) и «Когда качало меня солнце» (1972). В первую повесть вошли рассказ-поэма «Соболь не уйдет, а жена ушла» (1961), статья «Любовь все может» (1961), рассказ «Ай-Теранти» (1963). Во вторую – рассказы и очерки: «Мы летим» (1967), «Песня старого манси» (1967), «Дума старого манси» (1967), «Югорская колыбель» (1969), «На крылатой лодке» (1969), «Когда качало меня солнце» (автобиографические новеллы) (1970), «Вода» (1971), «Железный аршиш» (1971).

Период создания повестей – годы совершенствования мастерства художника, только

вступающего в зрелость. Обращение писателя в творчестве к русскому языку связано с тем, что ему нужен большой круг читателей. Обращение к прозе аргументировано также: Шесталова привлекли широкие возможности, открывающие горизонты познания жизни и воздействия на нее. Поэтический взгляд на мир определил своеобразие повестей: лиричность повествования, перебивку прозы стихами. Проза Шесталова автобиографична, носит глубоко личностный характер. Через образ лирического героя писатель воспроизводит и истинно свидетельствует обо всех событиях жизни и переменах в сознании манси. Сопоставляя творчество Шесталова с литературным опытом других писателей-северян, Б.Л. Комановский отмечает: «Если творческое развитие Рытхэу и Ходжера проходит в основном под знаком движения к социально-психологическому осмыслению действительности <...>, то иное направление <...> знаменует лирическая проза мансийского писателя Ювана Шесталова. Его повесть – это поэтизация жизни, ее романтическое восприятие» [14, 115]. Это восприятие в глубинном своем течении исходит из родников национального фольклора.

Повести Шесталова созданы в форме доверительной беседы. Ему, как отмечают исследователи, созвучно правило предшественника, мастера лирической прозы – М.М. Пришвина. А.В. Пошатаева отмечает: «Исследователи творчества М.М. Пришвина подчеркивают особое пристрастие художника к устному народному творчеству, в котором он видел для себя образец <...> Проза Шесталова некоторыми поэтическими особенностями, близостью к природе, значимостью фольклорной основы созвучна пришвинской прозе» [15, 134]. Личностная форма повествования у Шесталова создана на основе сюжета-путешествия. И это также сближает их с лирической прозой Пришвина.

В литературной критике повести Шесталова соотносят и с русской лирической повестью предшественников: «Капля росы», «Владимирские просеки» В. Солоухина, «Дневные звезды» О. Берггольд. Главное в них – эмоциональный накал повествования, психологические характеры, мозаика картин современной жизни. В статье «Трудный путь к первоистокам» (2003) Р. Уляшев подчеркивает данную преемственность: «История ли-

тературных жанров прихотлива. Ни сном, ни духом не ведал Владимир Солоухин, печатая в 1957 году «лирический дневник» – «Владимирские проселки», что за ним ринутся, как за новым гуру, поэты и прозаики. Не обязательно перечислять всех последователей, достаточно назвать двоих – Расула Гамзатова <...> и Ювана Шесталова, припомнившего детство на голубых акваториях Оби и Сосьвы...» [16, 180]. Преемственность данного литературного опыта подтверждает и сам В. Солоухин. В статье «Внук шамана» (1997) мы читаем: «Молодой поэт манси Шесталов сочинил тогда тоже лирическую прозу. Осознавая, откуда получила импульс его душа, он заранее, до нашего личного знакомства, относился ко мне хорошо, а мне его проза показалась близкой, хотя бы по манере письма» [17, 131]. Отметим, что характерной особенностью лирических повествований Шесталова становится фольклоризация; его повести хоть и отталкиваются от опыта предшественников, но в них есть и фабула, и сюжетные линии, правда, сюжеты не фиксируются в строгих канонических рамках, что в свою очередь соотносится с продолжением опыта национальных фольклорных традиций. Рассмотрим первые повести писателя.

«Синий ветер каслания» – лирико-публицистическая повесть, освещающая тему современной действительности, это дневник одного каслания. В ней внимание писателя привлечено к жизни и труду оленеводов. Каслание – это кочевье оленеводов, это длинная и трудная дорога от Оби до Урала, в которой: «... не семь раз поставить на пути теплый чум, а больше; не семь болот надо пройти, а больше; не семь дум передумаешь, а больше; не семь раз испытаешь себя, а больше!» [11, 309]. Писатель движение передает через ритмику. Пастухи круглый год кочуют по тайге в поисках ягеля, единственного корма для оленей. Существование многих и многих поколений манси обеспечивалось только движением, неустанной деятельностью, борьбой со стихией. Шесталов, зная такое движение, умело его передает.

Повесть состоит преимущественно из портретных глав, посвященных участникам каслания. Они перемежаются пейзажами, зарисовками обрядов манси. Лирическое звучание повествования идет от описаний природы,

раздумий о жизни, о детстве. Все размышления пронизывает вопрос, который является идейным центром повести – вопрос о будущем оленеводства и оленеводов на Севере, шире – это вопрос о судьбе родного народа.

Известным завоеванием Шесталова в первой повести является интересный и глубокий образ главного героя – повествователя. В повести воссоздан психологически убедительный образ молодого образованного манси, оказавшегося в ставших уже непривычными условиях. Писатель достоверно показывает его перепады настроения, сомнения, душевные движения.

Много в повести других героев, которые, убедившись, что революция не дух, а сама жизнь, осознают значение великого исторического поворота в судьбе манси и выбирают свою судьбу. Они говорят о предрассудках, суевериях и вере в злых духов, радуются нефтяным фонтанам – черному золоту. Об этих героях К. Зелинский сказал, что «это наши современные люди: бригадиры, геологи, оленеводы. В этом смысле Шесталов как бы отвечает на задачу, поставленную молодым литераторам Сибири – изображать современного героя. Но современный герой вместе с тем как бы постулирует реализм. Он требует изображения себя в реалистическом аспекте; вместе с тем этот современный герой вдвинут в древнюю еще обстановку. Таким образом, современное перевито со стариной, нашедшей отражение еще в фольклоре» [18, 114]. В повести наряду с темой современной действительности, а именно влияния времени на целый народ и на отдельную личность, выступает и тема историко-культурной особенности мансийского народа.

Творческий рост Шесталова подчеркивает возрастающий интерес к народному наследию, в том числе и к ее изобразительно-выразительным средствам. Если в 60-е годы при попытке связать свою поэзию с фольклорной образностью у поэта выходили такие строки: «ленинок-комсомолок, красивых, как ясный месяц» или «учительниц отважных, как тысячи солнц сияющих» («Учитель Севера», 1960), то в период обращения к прозе стихия поэтической образности захватывает с первых страниц: «Олень. Слово дерево ветвистое растет на его голове. Глаза его смолистые, ла-

сковые, как у доброго человека» или «длинные ресницы и светящиеся глаза таинственных звезд, что низко-низко ходят по синему снегу на тоненьких ногах» [11, 310].

Во второй повести «Когда качало меня солнце» (1972) растет масштаб исследовательских устремлений художника. Произведение предстает, прежде всего, как энциклопедия народной жизни, в которой вся жизнь манси связана с духами. Много в повести сказок, песен, преданий; они участвуют в развитии сюжета, помогают воссоздавать картины национального бытия во всей наглядности и выразительности. С их помощью раскрываются чувства и мысли героя. Писатель обращается к истокам и корням собственной биографии, задумывается над исторической судьбой народа, вглядывается в его настоящее, будущее. Для путешествия в прошлое биография поэта коротка и он «удлиняет» ее, «переселяясь» вместе со своими думами и чувствами в облик отца – лирического героя Солвала. В связи с тем, что повествование не укладывается в привычные жанровые рамки, В. Лебедев отмечает, что ему «нет аналогов в русской литературе и литературах других народов, в том числе Севера и Дальнего Востока» [12, 112].

Повесть состоит из трех песен. В первой лирический герой рассказывает о себе, это «тэрнинг эрыг» – героическая песня сына. Во второй он поет песню судьбы об отце, в третьей Солвал сам поет свою героическую песню, а все три части обрамляет лирическая исповедь повествователя. Песнь Солвала – главная в повествовании. Он хочет быть умным, находчивым, как Эква-Пыгрись. Народ нарекает его сыном Торума, посланным на землю, чтобы избавить народы от горя и несчастья. Имя свое он получил от названия года: «Голодный был год, без соли варили, и нарекли год смертельным, соленым». Солвал вырос в окружении сказки, загадки, сказочной природы, охоты, рыбалки. В детстве его тоже качало солнце. Писатель мастерски, искусно передает состояние души своего героя, внутренний мир вчерашнего батрака – охотника и рыбака, таежного человека. Художественный мир повести – мир, увиденный глазами этого человека, мир, осознанный его умом и воображением. Песня судьбы Солвала – одна из главных удач Шесталова. В ней писатель делает попытку художественно воссоздать жанр героической

песни: Солвал-коммунист всю жизнь посвятил классовой борьбе, строительству социализма, организации колхозов на Севере, защиты Родины от фашистов.

Проблематика повести «Когда качало меня солнце» определяется напряженными философскими раздумьями автора о жизни и человеке в современном мире. Жизнь представляется ему непрерывным потоком, его волнует загадка бытия: «Жизнь. Какая тайна в ней заключена? Может, судьбы людей помогут мне понять себя и мир?!». Важнейшие вопросы современности неоднократно возникают и в философских исканиях писателя, подытоживающих отдельные главы: «Время богов прошло. А время творцов настало? Кто же твои созидатели? Я хочу их понять». Глубина и концептуальность писательских размышлений о жизни позволяют причислить повествование к жанру лирико-философской повести.

На примере двух повестей, относимых нами к одному этапу творчества, мы наблюдаем эволюцию художественного мышления писателя. Если в первой повести главным предметом художественного изображения у Шесталова стало самобытное общество, со своими нравами, обычаями, обрядами в настоящей действительности, то во второй повести раскрывается действительность прошлого и настоящего. Если первая повесть предстает «песней-исповедью» жизни одного героя, то вторая – семейная хроника, сага, объединяющая судьбу всех членов одной семьи. Если первую повесть определяем к жанру лирической повести, то вторую – к лирико-философской.

В период написания повестей Шесталов создает поэмы. Поэма «Пробуждение» вошла в сборник «Радуга в сердце» (1963); «Идол» и «Голос новой жизни» опубликованы в сборнике «Глаза белой ночи» (1967); «На железных нартах», «Черное море», «Медвежье игрище», «Кара-юйя!» – в сборнике «Песня последнего лебедя» (1969); «Бубен, гуди!», «Тажная поэма» вошли в сборник «Тажная поэма» (1970). Объединила весь лирический эпос «Языческая поэма» (1971).

«Языческой поэме» критика дала высочайшие оценки. Ю. Прокушев считает, что «это одно из выдающихся произведений нашей советской многонациональной литературы, одна из лучших современных поэм» [19, 193].

М.Г. Воскобойников заявляет, что «Языческая поэма» возвестила миру о рождении большого советского писателя, он называет Шесталова «правофланговым в поэзии северян» [20, 3]. Сам поэт отмечает, что в поэме «пытался изобразить человека Севера без экзотических прикрас, опираясь на мансийский фольклор, на мудрость старых легенд и поверий, вобравших в себя многовековой духовный опыт моего родного народа. Это социалистический строй дал моим книгам крепкие интернациональные крылья» [21, 3]. «Языческая поэма» – пример того, какие богатейшие возможности открыло прошлое перед поэтом. Многие песни в поэме созданы на основе народных преданий, они воссоздают историческое прошлое. В. Солоухин, подчеркивая значимость произведения, пишет, что завтрашний школьник будет обязательно изучать поэму Шесталова одновременно с «Песней о Гайавате». При этом Солоухин считает, что «вровень с такими главами Ювановой поэмы, как «Песня глухаря», «Песня осетра», «Песня соболя», как «Пятая дума медвежьей головы», могут встать только самые лучшие главы из поэмы Лонгфелло» [17, 146]. Вспомним вступительные строки «Песни о Гайавате», характеризующие отношение американского поэта к легендам:

<...> голос дней минувших,
Голос прошлого, манящий
К молчаливому раздумью,
Говорящий так по-детски,
Что едва уловит ухо,
Песня это, или сказка...

Шесталов же, наоборот, «сквозь пургу и завиху, сквозь века и тишину» слышит «чутким ухом вздыбленную старину». Он считает, что пропеты им «сны и песни» не только «вглубь веков укажут путь», но и помогут заглянуть в будущее. В этом и состоит отличие «Языческой поэмы» от «Песни о Гайавате». У поэта-манси древняя мифологическая система выполняет подчиненные функции, определяющую роль играет литературная система советского времени. Идея поэмы и ее общая настроенность, как и эпических произведений прошлого, заключается в стремлении пробудить самосознание, патриотический дух родного народа, вселить в него веру в лучшее, более справедливое будущее. Конечно же, не все стихотворения поэмы соответствуют

канонам соцреализма. Например, «думами» медвежьей головы, на основе смелых интерпретаций, Шесталов приглашает читателя заглянуть в глубинные пласты культурных традиций народа манси. Масштаб этого раздела удивляет всплеском фантазий поэта. Так, в первом стихотворении «Звери» он раскрывает необычный способ самозащиты от освещения запретной медвежьей темы, он как бы прикрывает свое лицо от медведя берестяной маской. В масках выступают актеры на представлениях в медвежьих игрищах, она необходима для того, чтобы в жизни зверь не узнал человека, который во время сенок ругал, смеялся над его священным «духом». Образ маски Шесталов оригинально, талантливо, заменяет сном. Все, о чем он будет размышлять, подмечать в «думах» медвежьей головы, ему снится:

Мне приснилось:
Я делаю лыжи
Широкие <...>
Я клянусь головой,
Что на праздничный стол
Водружу голову того,
Кто меня там дразнит впереди! <...>
Мои капризные боги,
Все время просящие жертв,
Со мною.
Они тоже гонят зверя. [1, 100-101]

«Языческая поэма» состоит из восьми песен, начинается предисловием – «Слово перед дальней дорогой». Первыми строками: «Я проснулся... А в окошко золотым оленем заглядывает солнце. Из дверей золотой птицей летит солнце. Два веселых солнца сверкнули из дощатой будки – два собачьих глаза, и я бегу на их зов. Я бегу к реке. Там золотым язем плещется солнце!» [1, 61] поэт задает произведению яркий мажорный аккорд. Счастливое утро новой жизни «родной земли» – новая сказка. Но на пути к новой жизни поэта мучают сомнения. В стихотворении «Черное море», сверяя чувства с «изменчивым» морем, он пытается понять себя: «а может, и вправду ты хитрее меня, / Мудрее меня, колдовистее меня / и любого человека на земле?», «Кто ты, море? / Откройся! / Я не знал тебя, / Как не знаю до конца самого себя...» [1, 64-65]. Поэта притягивает новая жизнь, но он одинок в своем начинании и поэтому мир кажется ему чересчур сложным. «Взобравшись» на очередную вершину твор-

чества, Шесталов осознает, что стоит пока еще «на скользких камнях», возможно, его «враги» лишь на мгновение подарили ему этот «высокий покой». За свои сомнения он просит прощения у прадедов, раскрывая тем самым нелегкий путь в утверждении своей творческой позиции: «О прадеды, вы мне простите, / Что вижу не только зверье / И жадные рты идолов / Не мажу жертвенной кровью. / Отсюда я что-то вижу, / И сердце о чем-то болит» [1, 70].

В первой песне поэмы Шесталов представляет поэтическую автобиографию лирического героя. Она начинается с детства. Солнечное утро нового дня стало его песней «пробуждения». Символом пробуждения является «большое имя Ленин» – воплощение надежд родного народа [1, 73]. Большинство стихотворений посвящено матери.

Вторая песня поэмы – это художественная реконструкция целого комплекса театральных действий, преданий, связанных с «медвежьим праздником». Поэт, перевоплощаясь в охотника, мастерски передает его мироощущения. Но вот он перевоплощается в «медвежью голову» и ведет монолог от имени «головой», восседающей на столе. Часто выходит на обобщения: «Я не пойму людей, / Мне их поступки странны: / Зачем душе моей / Они наносят раны?» [1, 110], и тогда монолог идет и от имени медвежьей головы, и от себя или о себе. Думы «головой» раскрывают внутреннее переживание поэта. В последнем монологе слились воедино и упрек людям, и трагедия чувств, и смирение:

<...> Ночь – к рассвету. Я не сплю,
Думу думаю свою...
Обескровлен я, бессилён,
Но глаза мои глядят:
<...> Я сижу, молчу как рыба,
Никого я не корю,
Людам, в мыслях, «пумасипа!»
Я сегодня говорю,
Людам, что в последнем сне
Не мешают думать мне. [1, 128-129]

Третья песня поэмы – песня любви. Для влюбленного-манси мир русской культуры давно стал своим, возлюбленная – русская девушка. Без нее он «как олень без меха», его сердце бьется, как вытасченный из воды язык, трепещет осиновым листком. Вместе они – «рыжие лисенята на синем лугу небес». Традиционный жанр песни любви, сказка и совре-

менность в стихотворениях легко сочетаются: «Ах, Миснэ, Миснэ! / Если долгим взглядом / Пронизывать лесные терема, / В конце концов покажется, что рядом / Она бежит за поездом сама» [1, 140].

Четвертая песня, построенная в жанре традиционной песни-плача (плачет идол), переплетается с героической песней созидателя новой жизни. Бульдозерист разрушает капище. «Ледяная земля проснулась от вековой спячки». Мысли и чувства героя сформированы советской действительностью, но он «способен» еще слышать плач идола:

Я идол!

Я умираю.

Но опасность моего рождения

Таится в вас самих. [1, 165]

В пятой песне поэмы Шесталов поэтизирует труд покорителей природы Севера. Труд вышкомонтажника Литовченко напомнил ему театр – поднебесный дом с электрическими кострами, а дирижер оркестра – шаман. Палочка в его руках пляшет – и поет оркестр голосами птиц и животных. Поэтизация труда нефтяников и газовиков часто становилась предметом подобных высказываний: «К сожалению, газ и нефть Югорской земли принесли много бед и горя коренным народам, а не радости. И пафос Ю. Шесталова, традиционный для социалистического реализма, сегодня явный анахронизм...» [12, 94]. Считаем, что пафос был свойствен времени. В советской поэзии произведения И. Заболоцкого, А. Твардовского, Р. Гамзатова, Э. Межелайтиса поддерживали в людях гражданскую активность. Поэтам радуют большие, преобразовательные перемены на родине. Ведущим качеством его произведений также является насыщенность острой, гражданской, философской мыслью, но она осмыслена в особом, национальном аспекте. Это сказывается и в повороте темы, и в отборе разных образных средств, и это придает его размышлениям особенную прелесть и убедительность:

Пусть же крик лесной души,

Что звучит в тайге от века,

В вас разбудит Человека. [12, 129]

* * *

Стоит глаза распахнуть –

Ворвется вселенная яростно в грудь. [1, 108]

* * *

Россия мне и ум, и силу,

И кровь, и сытый хлеб дала. [1, 118]

В пятой песне поэмы стихотворение «Песня последнего лебедя» начинается прозаическими строками: «Весной на лесное озеро прилетал один лебедь. В небе веселились другие птицы – самолеты. И уток стало мало! Раньше охотники любовались лебедями. А этот лебедь плакал. Его плач и записал я...» [1, 170]. Поэт слышит страдание природы, чувствует приближение экологических катастроф. Гул самолета оглушает лебедя. Призыв поэта к людям: «Берегите белые мои озера, / Ибо / Почернеет небо без белых лебедей, / Почернеют ночи без белых лебедей...» [1, 172].

Шестая песня представляет собой исторический экскурс. Это синтез двух песен: Юлиана – венгерского монаха-странника и Ювана – современного певца. Художественной удачей Шесталова является песня Юлиана как пример поэтической реконструкции прошлого. Автор хорошо знает историю народа, он раскрывает читателю увлекательные картины былых веков – хозяйственный уклад, жизнь древних людей в неприступных крепостях. Лирический герой представляет себя в образе богатыря Отыра – сказочного небесного сына.

В седьмой песне герой берет в руки древний громкоговорящий бубен из гладкой оленьей кожи, ударяет колотушкой – черной лапой гагары и поет песню, которая должна разбудить все человечество. Поэта волнует не только судьба родного народа, России, он полон тревожных раздумий о судьбе всего мира. Его боль о событиях во Вьетнаме: «В груди моей болит Вьетнама рана. / Ужель ты можешь к боли притерпеться, / Мансийское мое лесное сердце?!» [1, 205]. Своим словом поэт пытается повлиять на агрессоров. Его песня звучит шаманским заклинанием: «Дважды в бубен громкопоющий / Бью я заветною колотушкой. / Убийц родившие Громады-города! / Ужели ваши каменные лица / Еще не покраснели от стыда? / Ужель и вы такие же убийцы?! / Караюйя!» [1, 207].

В заключительной восьмой песне герой – наш современник. В прошлом его интересует происхождение древнего народа. Обращение к прошлому ему необходимо для созидания: «О, янтарная капля веков, я подожгу тебя вдох-

новением, и ты осветишь мои стихи» [1, 226]. Так поэт раскрывает свой творческий поиск. А строки «Таежной думы» навеяны религиозно-философскими размышлениями:

Земля моя кружится – и я кружусь.
Солнце повернется – и я повернусь.

Лижут планету и тень, и свет,
Кружатся заботы, как хмель в голове.

По поднебесью гагарой лечу.
Толщу воды осетром строчу.

Смело шагаю с каменных стен
В космос за тайной мансийских легенд.

Верхнее небо – космический дым.
Жив ли ты, бог наш – Нуми-Торум?

Нижнее небо – подземная тьма.
Куль там коварный не спятил с ума? [7, 215]

В. Огрызко справедливо отметил: «... не здесь ли надо искать истоки некоего космического сознания, которое мансийский поэт начнет яростно проповедовать уже в 1990-е годы» [22, 209]. Действительно, с таких размышлений и начинались новые устремления поэта, обращенные к теме космического сознания.

Подчеркивая значение «Языческой поэмы» в творческой биографии поэта, отметим, что поэма – это принципиально новый тип художественности, в ее структуре объединились две разные художественные системы – древняя мифологическая и литературная. Нередко авторская позиция Шесталова соответствует принципу социалистического реализма, когда прошлое народа он рисует темными, мрачными красками, а новое, советское время воспевают как высшее благо, но на первое место выходит все же обращенность к традиционному началу: душе народа, его обычаям. Так, ритуальные действия на медвежьем празднике художественно воссозданы очень ярко и правдоподобно. Миф и реальность в поэме, как во всем творчестве этого периода, у Шесталова неразрывно связаны. Если определять характер творчества поэта по какой-то одной особенности, то этой особенностью будет его обращенность к фольклорной традиции, причем его знания глубинные и основательные.

Осветив крупные произведения, созданные Шесталовым в период 1962-1972 гг., не-

обходимо отметить и его художественную публицистику, ведь в это время он занимается журналистской деятельностью, его очерки периодически печатаются в газетах «Известия», «Правда», «Советская Россия». Писатель освещает проблемы жизни родного края, «человека Севера», экологию, политику, литературу народов Севера: «Северное сияние» (1962), «Важный и ответственный жанр» (1962), «Оленеводы» (1963), «Северные новинки» (1964), «Моя Югра: (о преобразованиях в Ханты-Мансийском округе)» (1968), «У древнего огня: (о писательской организации Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономного округов)» (1969), «Дума старого манси» (1972) и др.

В целом 60-70-е годы очень продуктивны для литератора: окончательно формируется его мировоззрение, идейно-нравственная программа, наблюдается зрелое проявление таланта. В.Д. Лебедев отмечает, что голос Шесталова сразу же резко выделился на фоне всего северного литературного региона, т.к. его, прежде всего, интересует поэтический мир души своего народа, его мироощущения. Сложные впечатления бытия в поэзии и в прозе Шесталов складывает в некую эмоционально-философскую систему своего мировосприятия, основанную на национальных фольклорных традициях. Интерес к устно-поэтическому наследию мы наблюдали уже на начальном этапе его творчества. Тогда поэт ограничивался традиционными тропами и преемственностью мифологических образов, а в период обращения к прозе корни его творчества уходят глубоко в народную традицию. Его путеводными звездами становятся все жанры родного фольклора. В повестях определяющими стали жанровые закономерности традиционно мансийских героических песен (тэрнинг эрыг), в которых личные воспоминания, наблюдения, впечатления высказываются от первого лица. В каждой повести, как и в фольклорных произведениях, развитие сюжета затормаживается лирическими отступлениями. Произведения изобилуют параллелизмами, этнографическими деталями, чередованием прозы и поэзии, необычными шесталовскими метафорами («гордым гусем плывет лодка меж задумчивых берегов сияющей реки», «синий ветер каслания»). В данной художественной конструкции опре-

деляющим началом у Шесталова является внимание к внутренней сущности бытия, а не к поступкам, их взаимосвязям.

После 1972 года Шесталов работает над повестью «Тайна Сорни-Най» (1976). Именно с этим произведением он связывает новый – третий этап своего творчества. По его высказыванию, в отличие от предыдущих повестей, в произведении «специальное содержание, придуманное». Повесть написана от третьего лица. Героя-манси писатель наделяет своими автобиографическими данными. Сергей Лугуй его ровесник, он родился в день его рождения. Такой способ представления героя писателю необходим для того, чтобы «чувства были более реальными». Для нас же жизнь главного героя раскрывает мировоззрение Шесталова на данном этапе творчества. Сергей, как и сам писатель, оказался вовлеченным в бурный круговорот событий. Как и многие сверстники, он мечтает о сказочном Ленинграде, Институте народов Севера, но его судьба, в отличие от судьбы Шесталова сложилась иначе – он освоил профессию нефтяника. В повести описываются исторические события, повлиявшие на формирование внутреннего мира героя: строительство общества развитого социализма, нефтегазовое освоение Сибири. Эти же факторы оставили заметный след и в судьбе самого писателя. Вместе со своим героем писатель напряженно думает о завтрашнем дне родного края, ратует за бережливое, рачительное отношение к природе.

Среди исследователей оценка повести неоднозначна. Л.В. Полонский называет ее «умным, добрым, поэтическим произведением». В.Д. Лебедев отмечает, что она не стала творческой удачей художника, т.к. в ней «нет того чарующего, обостренно-поэтического восприятия мира, которое волновало, увлекало, заколдовывало читателя в первых повестях» [12, 120]. Если следовать этой мысли, то, действительно, в повести многое вторично, знакомы сцены, повесть переполнена романтизацией подвигов покорителей природы. Если же обратимся ко времени создания произведения, когда многие люди жили мечтой о подвиге в мирное время, то повесть, благодаря своей актуальности, очень удачна. Шесталов на много лет вперед озвучил проблемы, связанные с завтрашним днем жизни манси. Например, в детстве мир

души Сергея формировал хранитель тайны Сорни-Най старый Ильли-Аки, мальчик следовал его наставлениям; затем школьные учителя прививали ему другие ценности, они говорили о высоком предназначении человека, призывая северян овладеть профессией врача, учителя, инженера. Вследствие этого выпускники школ утрачивали связь с национальными истоками культуры, были глухи к стонам родной природы.

Рассмотрим одну из сцен повести: Сергей, ставший геодезистом, должен рубить просеку. Он встал перед кедром, думает: «А комсомольцы разве могут быть суеверными? И кто нынче придерживается отсталых обычаев предков?» <...> Засверкало стальное лезвие топора, белыми птицами полетели щепки. Стонало вековое дерево, кричали растревоженные ронжи, из густых ветвей выскочила белка и стрелой полетела на ветку соседнего дерева. А таежное эхо повторяло и стук топора, и плач ронж. Где-то далеко застонал одинокий филин. Молнией сверкнуло лезвие топора, затрещал таежный богатырь и с громом свалился наземь. Тайга стонала, не понимая, что происходит вокруг». Герой Шесталова, прежде чем приступить к рубке дерева, все-таки задает себе вопросы, чтобы хоть как-то оправдать действия. Он новый современный человек и прогресс им понимается только как процесс покорения природы. Писатель оправдывает героя: «Не будет просеки – не будет карт». Подобные оправдания и становились причинами отрицательных отзывов на повесть Шесталова. Н. Качмазова увидела в этом приеме «неуверенность авторской позиции в оценке действий героя» [23, 166].

Конечно же, поступки и мысли героев раскрывают душу писателя, но их мировоззрения различны. В повести «Тайна Сорни-Най» именно писатель, а не его герой, слышит стоны тайги. Для Сергея же «с каждой щепкой, может быть, отлетали языческие представления, навеянные таежным детством...» Герои Шесталова в повести «Тайна Сорни-Най» – это гордые, честолюбивые люди. «Истинное честолюбие, – объясняет писатель, – это страстное стремление к воплощению своего «я» в деле, которому ты служишь. Это мечта о подвиге, в котором бы «я» смогло шагнуть далеко за пределы краткой личной жизни. Это борьба, беспощадная и бескомпромиссная, против

временности и бренности всего существующего – гордое желание подчинить себе природу и заставить ее сохранить в себе отпечаток могучей личности, сознающей себя необходимой, правоспособной и сильной» [24, 72]. Высказывание писателя отчасти соответствует и его творческой позиции на тот период жизни, т.к. созидая он верно служит выбранному пути; как носитель передовых нравственных, гражданских идеалов своего времени, живет мечтой о светлом будущем. Сегодня, как известно, философия Шесталова заключается не в желании подчинить себе природу, а «излечить» ее, сохранить для будущих поколений.

В повести «Тайна Сорни-Най» органично взаимодействуют два начала (мифофольклорное и цивилизованное), что подчеркивает степень одаренности писателя. Подобный жанр Н. Качмазова определяет как контаминацию жанров пограничных жанровых форм: социопсихологической повести («Анико из рода Ного» А. Неркаги), повести-исповеди («Я слушаю Землю» Е. Айпина), романизированного мифа («Когда киты уходят» Ю. Рыхэу). Мы определяем повесть как лирико-психологическую.

После 1976 года Шесталов создает рассказы: «Мчатся олени...» (1978), «Сорни-Най» (1978), стихотворения, публицистические очерки, изданные в сборниках «Сибирское ускорение» (1977), «Большая рыба» (1982), «Самая чистая радость» (1985) и др. В предисловии к книге «Сибирское ускорение» Шесталов, раскрывая свой творческий путь, пишет: «Сначала я писал стихи. Но жизнь не укладывалась в рамки стихов и поэм. Мне же хотелось быть ближе к жизни, хотелось вмешаться в ее дела <...> Я писал скромные газетные и журнальные статьи, зарисовки, очерки. Когда их накопилось много, я вдруг увидел в них мозаику жизни такого древнего и такого современного Севера, услышал особый таежный ритм. Мне захотелось уловить его биение, его главные звуки и передать их людям» [25, 34]. Каждый сборник очерков содержит в себе огромный по объему и яркий по форме познавательный материал для читателя, раскрывающий историю обских угров, их культуру, современную жизнь. Центром художественной публицистики является образ самого Шесталова, это открытая дверь в мастерскую художника.

Особо значимым для себя произведением Шесталов считает роман-сказание «Огонь ис-

целения» (1988), т.к. «это позднее, сознательно созданное произведение о своей жизни». Роман-сказание – это сага, жизнеописание рода Шесталовых. В ней четыре песни-судьбы: песня деда по матери, песня матери, песня отца и песня автора-рассказчика, повествователя, лирического героя. У каждого своя судьба, своя песня, но противопоставление плохого старого хорошему новому в каждой песне обязательно. Такой подход подчеркивает авторский стиль раскрытия исторической судьбы своего народа. Нами роман-сказание рассматривается как продолжение тем предыдущего творчества писателя.

В целом данный период творчества литератора характеризуется тем, что автор стремится осмыслить конкретную реальность современной жизни Севера. Об этом свидетельствуют лирико-психологическая повесть «Тайна Сорни-Най» и художественная публицистика. Продолжается Шесталовым и фольклорная традиция. Исторические экскурсы, выполняющие в творчестве уже подчиненные функции, призваны понять и «оценить шаги создания настоящего и лучезарный свет будущего». В детской литературе сказка становится основополагающей. Книжки для маленького читателя интересны тем, что в них автор вместе с героем неожиданно ощущает прелесть, казалось бы, давно знакомых вещей окружающего мира: «Повернули кран – полилась вода. Ребята, как идолы, стояли вокруг меня». Детская литература рассказывает о необычной жизни маленького мансийского мальчика, которому суждено будет стать основоположником родной литературы.

После 1990 года Шесталов обращается к публицистике, поднимающей острейшие проблемы экологии и будущей судьбы коренных народов Севера. И хотя писатель принципиально отказывался от создания крупных прозаических произведений, в 1993 году он публикует эссе «Откровение Регули». В этом произведении, как и в поэме «Юлиан», Шесталов исследует память веков, он переписывает историю: через подлинные материалы восстанавливает исследовательский путь венгерского ученого Антала Регули. В эти годы писатель продолжает создавать поэтические произведения; они приобретают форму заклинаний, пророчеств. Его «шаманская клинопись»

(по определению Г.Н. Ионина) проповедует «планетарное и космическое сознание». Шесталов обращается к теме космического сознания, т.к. убежден, что «настанет время, когда без философии Природы, без философии Космического сознания землянам не обойтись», что «без сознания Философии Природы, единства цельности мира, без Космического Сознания невозможна здравая эволюция человечества». Планетарность мышления писателя основана на представлениях о мире, об устройстве Вселенной. Шесталов чувствует ответственность за все, что происходит в мире. Он беспокоится, что общество находится в состоянии неравновесия, сравнивает его с перевернутой пирамидой. Нестабильность основания связана с нарастающим прогрессом техники. Писатель считает, что данный дисбаланс можно преодолеть, лишь перевернув пирамиду и положив в ее основание права Природы, возможности планеты Земля.

В творчестве 2000-х годов писатель внимательно исследует религиозно-философские представления народа, традиции, обряды, представления о Земле-Космосе. Умеющий пользоваться Словом, выросший в современности, но с малых лет впитавший в себя удивительный мир народных традиций он продолжает стремления предков – беречь Природу, Землю, Гармонию. Обращение к темам планетарного и космического сознания Э. Сургутского вызывает новым увлечением Шесталова, началом современной философии мансийского народа, философии Природы. Она пишет: «Время расставит свои акценты, определит место каждого в иерархии ценностей. То, чем занимается сегодня Юван, – это ново и спорно. Для Ювана Шесталова поиск новой философии – это призыв ступить на пути спасения, это «новая степень любви к миру» [26, 301].

Темы, затрагиваемые писателем в последние годы, на первый взгляд кажутся новыми и поэтому спорными. Все новое, передовое рано или поздно становится востребованным. Вопрос только в том: когда это произойдет? По мнению самого писателя: «Любая философия обретает власть над временем лишь тогда, когда соответствует уму и интеллекту Людей Земли, соответствует Интегралу общего развития Человечества» [27, 57]. У человечества присутствует интуитивный уровень притяжения

философии Природы. Для его осмысления необходимо почаще обращать свой взор в бескрайние, манящие к себе звездные дали. Необходимо пытаться проникнуть в тайны мироздания, в тайны человеческой души, т.е. делать то, что делали во все века истинные поэты. Их всегда волновали и волнуют вечные философско-мировоззренческие проблемы – Человек и Вселенная, Человек и Природа, Человек и Мир его земных деяний, радостей, страстей и тревог, его любовь и ненависть, его верность Родине. Юван Шесталов, приняв за основу древнюю мансийскую философию, развивает космическое сознание своего народа в европейском сознании.

Книга-амулет «Космическое видение мира на грани тысячелетий» – это своеобразная концепция Шесталова. Она объединяет в себе слияние восточных и западных духовных концепций, мироощущение и духовные свершения южан и северян для единения в поисках спасения. Писатель объединил мысли великих людей. Он считает, что народы, объединившись духовно, но при этом «не растворяясь друг в друге, не утратив свое лицо и свой язык», смогут спасти себя и Землю.

В книге мы часто встречаемся с «крылатыми» изречениями устно-поэтического творчества манси, которыми обычно завершаются те или иные мифы и сказания. Их значение в фольклоре состоит в том, что они дают определенные представления и надежды на будущее. «Торум ийс тэли, Отыр ийс тэлы – элумхолас сымынг Торум номт хулы» – «Придет время Космоса, настанет время Духов-покровителей – человек тогда сознание Торума услышит», «Торум лех коен» – «Ищи дорогу Космоса». Возможно, эти слова адресованы в день сегодняшний, когда стремительно утрачивается культура и язык мансийского народа, и, конечно же – в будущее. Г.Н. Ионин отмечает, что «мифы древности создавались для вечности. Они предугадывали все времена. В том числе и наше. Они дают нам язык» [28, 21]. В.М. Акимову принадлежат слова: «В долитературную эпоху образное слово у народов Севера было ключом к смыслам и ценностям народного бытия» [29, 14].

И здесь необходимо подчеркнуть связь шесталовского учения с теософией Е.П. Блаватской. Теософы призывают к тщательному изучению тайн бытия, «дабы наша эпоха не ушла,

оставив эту острейшую проблему неразрешенной» [38, 360]. Цель Теософского общества – раскрывать, исследовать, сравнивать, изучать, проводить эксперименты и разъяснять тайны Психологии. Такой круг исследований включает в себя изучение ведической, брахманической и другой древне-восточной литературы, ибо в ней содержится тайна природы и человека. Если говорить о личности Блаватской, то она, следуя главной заповеди эзотеризма – «человек, познай себя», полная уважения к чужим исканиям, изучала самые различные духовные традиции, от крупнейших религий древности до оккультно-мистических орденов и самобытных племен ближнего и дальнего Востока.

Шесталов также пытается понять тайну изречений, но родного народа; по его глубокому убеждению, слово людей былых веков несет значительный смысл. Конечно же, писатель-философ не ограничивает внимание только культурой манси, его думы обо всем человечестве. Однако в отличие от времени создания «Языческой поэмы», где народ манси представлен им «маленькой частицей человечества», на современном этапе творчества Шесталов чаще говорит о его уникальности, «исключительности». Свидетельством этого являются, по его мнению, в том числе мифы и изречения. Генетически легко ориентируясь в пространственно-временных полях, писатель чувствует приближение надвигающихся экологических катастроф. Это чувство было знакомо и его предкам. В продолжение их мысли поэт призывает современников обратиться вместе с ним в «дали Космоса» для того, чтобы найти путь спасения Человечества, Земли, Природы, объединенной им одним всеобъемлющим словом – Торум.

Поэтический сборник «Непредсказуемо мгновение...» (2003) создан Шесталовым в соавторстве с Н. Аксариной. Поэзия Шесталова в нем – сплав любовной лирики, «неомифологизма» и философии. В сборнике по-новому звучали знакомые, лирические мотивы ранней поэзии, понятной и близкой широкому кругу читателей.

В 2010 году писатель опубликовал на мансийском и русском языках часть известного в науке труда Берната Мункачи «Собрания вогульской народной поэзии» (1892-1902). Для этого Шесталовым был создан творческий

коллектив, разработана соответствующая программа, ведется академический перевод текстов. Шесталов отмечает, что «тексты, записанные великими венграми Анталом Регули (1819-1858) и Бернатом Мункачи (1860-1937) от мансийских шаманов более ста пятидесяти лет назад – живые символы древнейшего творения человеческого Разума, Космического видения Гипербореев – Северной традиции» (из обращения Шесталова к президенту В.В. Путину).

В 2011 году Шесталов издает роман-камлание «Откровение Крылатого Пастэра». Это роман о любви, в котором миф несет опорную функцию. Главный герой в романе сам автор. В первом камлании он живет как в мифе о сотворении земли. В земной жизни он пошел в баню «то ли погреться, то ли принять омовение в шаман-чуме на берегу шаман-речки», но оказался среди простора воды. В водных просторах, в отличие от мифа, где есть мужчина и женщина, он совсем один. Его первое камлание начинается с темы одиночества. «Где моя женщина?» – восклицает герой. Камлание раскрывает внутренний конфликт героя, его взаимоотношения с окружающими.

Затем герой осознает, что находится в «товлынг хап» – «крылатой лодке». Так манси называют самолет, у Шесталова – это космический корабль. И хотя кругом люди, но его никто не хочет замечать. Он для них «Сам сай» – невидимый дух. Постепенно поэт вводит читателя в тайны мифа, мироздания и любви. Соответственно в тексте мифологические персонажи («Сам-сай» – тайный дух, «Куль» – дух смерти), «космический холод, противоречащий недавнему теплу и восторгу» героя и женщина, именуемая Особой – «великолепная в своем великолепии, тайной силой притяжения заковывала не только мои глаза. А может это тайная сила всех Женщин?». Но пока думы героя о другой – умирающей земной женщине. После ее смерти его думы обо всех, кого он потерял в течение жизни: «До рождения жил человек, и после смерти будет существовать. Данная в «этом свете» Жизнь – не единственная. Так думал я, так думали манси. И все же Смерть страшна». Главной в романе-камлании является тема любви. Любовь к матери, любовь к женщине, к жизни.

Во втором камлании герой часто ощущает себя мифологическим Крылатым Пастэром.

Г.Н. Ионин отмечает, что «Шесталов не боится почувствовать себя крылатым Пастэром. И в этом порыве не только вдохновение лирика. Здесь есть и религиозное нечто» [28, 22]. Он пишет, что писателю «недоставало емкого, всеохватного, единого мотива, в котором личное раскрылось бы как планетарное, а планетарное было бы согрето неподдельно выношенным и выстраданным. Возвращение к мифу дает поэту необходимую опору» [28, 22]. Высказывание отражает творческие стремления писателя на современном этапе.

Шесталов как личность, своим творчеством призывает к нравственным основам. Но социальные проблемы, кризис в сферах общества не дают писателю возможности продолжать ранние темы. В нем «ожил» тот Голос, который постоянно заглушался веяниями времени. Этот голос, как отмечает Шесталов, принадлежал Мирсуснэхуму, голос был знаком ему с трехлетнего возраста, с того мгновенья, когда он падал в костер: «Тогда я ничего не помнил, кроме боли. Но я знал уже не только имя МИРОВОГО СМОТРИТЕЛЯ, но и чуял его присутствие, как дедушку и бабушку. Этот таинственный Голос всю жизнь будет учить меня, разъяснять что-то. А я не хочу верить. Долгое время я верил учителям новым, книжным. Иногда этот Голос уходил от меня на годы. Потом снова являлся. То во сне явится, а то и наяву <...> Миф жил во мне своей жизнью».

Романом-камланием «Откровения Крылатого Пастэра» Шесталов открыто, незавуалированно раскрывает свои самые сокровенные мысли, свои сомнения, радости, разочарования, страдания. Их раскрытие проходит через общение с духами, от которых не затаишь, не скроешь своего сокровенного Я. «Кто вы духи вездесущие?» – задыхаясь от непонимания, спрашиваю я. И Голос, преследующий меня, отвечает так: «Мы, Духи, деятельны: живее всех живых! Наши голоса звучные и беззвучные звучат в ощущениях, в откровениях знаний. Открываясь духам, вы открываетесь себе, воспринимая нас как единое существо, хотя нас множество». Сегодня разрешение любой ситуации писатель видит в мифе. Ю.А. Калиев отмечает, что «Миф как феномен сознания характеризуется целостностью, структурной упорядоченностью, значит, отвечает важнейшим насущным общественным потребностям –

конструированию иллюзорной стабильности социальной действительности» [31, 4]. Обращение к мифу обусловлено у писателя потребностью современного этапа развития общества в целом. И хотя новый миф Шесталова чаще основывается на достижениях современной научной и общественной мысли, но он всегда имеет древнее звучание.

В 2011 году выходит еще одно издание Ювана Шесталова «Шаманские тайны откровения слова «Русь». Это последняя прижизненная книга великого сына мансийского народа. И опять же обратимся к высказыванию Г.Н. Ионина – друга писателя: «Книга народного – мансийского, русского – поэта Ювана Шесталова, точно прочтенная и справедливо оцененная, способствует грядущей победе». Исследователь отмечает, что Шесталов в своих гипотезах как поэт-филолог предлагает в качестве примеров приемы сравнительной этимологии. Главная мысль писателя состоит в том, что в таком суперэтническом союзе, как Древняя Русь, особая роль принадлежит древним манси и хантам, имеющим тоже свою многотысячную праисторию.

В целом же, на мировосприятие, мировоззрение Шесталова влияли многие события времени: учеба в Ленинграде, нефтегазовое освоение Севера, перестройка, перемена места жительства. Все события вносили свой отпечаток, но писатель всегда оставался верен народным традициям. С самого начала писательской деятельности он осознал значение родного слова; его целью было показать читателю удивительный мир детства, красоту края, раскрыть человека Севера. Сначала, создавая произведения на родном языке, поэт искренне и доверительно раскрывает юношеские чувства, но проходит немного времени – и его творчество наполняется социальной проблематикой, он обращается к журналистике. Затем его труды выливаются в неторопливые, вдумчивые повести-размышления.

В 1990-е годы поворот в творчестве был обусловлен переменами в общественно-политической ситуации в стране (перестройка), поэт выезжает в Венгрию. В это время у него наблюдается некий спад в творчестве. Он в растерянности, подавлен. Крик его души зазвучал в «Крике журавля». С этого произведения начинается новый, современный этап творчества, автор переносит акцент с художе-

ственного творчества в сторону религиозно-философской публицистики. Его достижения – это не поверхностное философствование: за каждой концепцией чувствуется напряженное художественное раздумье, сосредоточенность чувства. Он ставит перед собой сложные задачи – творчеством способствовать духовному развитию современников. И здесь Шесталов не отходит от народных традиций. Он обращается к древним заклинаниям, молитвам. Его искусство идет от вдохновения, озарения. Творчество для него – «крик души «жаждущей услышания», понимания, а творческий акт – «экстазис «ужасного индивидуалиста», выра-

жающий мировое, общечеловеческое, даже космическое потрясение» (Шесталов).

Главным у писателя становится «символическое мышление». Он обращается к поэтическому миру архаического мифа, к пантеистическому сознанию своего народа, найдя в этом новый путь к более яркому воплощению идеи человечности и духовности. К голосу талантливой личности, прикоснувшейся к великим тайнам бытия в своих творческих исканиях, необходимо прислушаться, т.к. его изречения – это не простые словесные обозначения, они, как результат духовного опыта, означают направление к пути спасения Человечества.

Литература

1. Шесталов Ю.Н. Языческая поэма. М.: Современник, 1971. 224 с.
2. Шесталов Ю.Н. Крылья // Советская культура. – 1978. – Ноябрь. – С. 4.
3. Белая Г.А. Перепутье // Вопросы литературы. – 1987. – № 12. – С. 80.
4. Акимов В.А. Сто лет русской литературы. СПб., 1995. 384 с.
5. Ломидзе Г.И. Ленинизм и судьбы национальных литератур. М., 1982. 182 с.
6. Выходцев П.С. Новаторство. Традиции. Мастерство. Л.: Советский писатель, 1973. 544 с.
7. Шесталов Ю.Н. Собр. соч. СПб. – М., 1997. Т. 1. 480 с.
8. Полонский Л. В семье единой. Тюмень: Тюменское кн. изд-во, 1982. С.18-24.
9. Шесталов Ю.Н. Миснэ. Тюмень, 1961. 114 с.
10. Косихин В. Литературный портрет (мансийского поэта Ю. Шесталова) // Москва. – 1972. – № 12. – С. 204-208.
11. Шесталов Ю.Н. Синий ветер каслания. М.: Художественная литература, 1966. 204 с.
12. Лебедев В.Д. Манси. Очерк истории литературы. Тобольск, 1995. 159 с.
13. Баландин А.Н. Предисловие // Шесталов Ю. Миснэ. Тюмень, 1961. С. 7.
14. Комановский Б.Л. Пути развития литератур народов Крайнего Севера и Дальнего Востока СССР. Магадан: Маг. кн. изд-во, 1977. 199 с.
15. Пошатаева А.В. Литературы народов Севера. М., 1988. 168 с.
16. Уляшев Р. Трудный путь к первоисточкам // Мансийская литература // Сост. В.В. Огрызко. М.: Литературная Россия, 2003. С. 180.
17. Солоухин В. Внук шамана // Мансийская литература // Сост. В.В. Огрызко. М.: Литературная Россия, 2003. С. 131.
18. Зелинский К.Л. Октябрь и национальные литературы. М., 1967. 114 с.
19. Прокушев Ю. Даль памяти народной. М.: Молодая гвардия, 1978. 193 с.
20. Воскобойников М. Эти песни легче птицы. Литературная Россия, 1977. С. 3.
21. Шесталов Ю.Н. // Литературная газета. – 1979. – Январь. – С. 3.
22. Огрызко В.В. После потрясений // Мансийская литература / сост. В.В. Огрызко. М.: Литературная Россия, 2003. С. 209.
23. Качмазова Н. В сказке рождается земля // Мансийская литература / сост. В.В. Огрызко. М.: Литературная Россия, 2003. С. 166.
24. Шесталов Ю.Н. Самая чистая радость. Л.: Лениздат, 1985. 191 с.
25. Шесталов Ю.Н. Сибирское ускорение. М.: Советская Россия, 1977. 80 с.
26. Писатели Югры // Библиографический указатель / сост. Э. Сургутскова. Екатеринбург, 2004. 301 с.
27. Шесталов Ю.Н. Сознание Торума, сознание Природы – путь спасения. Будапешт, 1997. 150 с.

28. Ионин Г.Н. Миф и новый замысел Ю. Шесталова / Литература народов Севера. СПб., 2003. С. 21.
29. Акимов В.М. Некоторые общие и конкретные проблемы этнофилологических исследований «северных литератур» // Литература народов Севера. Литература народов Севера: сб. науч. ст. / под ред. Г.Н. Иониной и Е.С. Роговера. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2002. С. 6-19.
30. Блаватская Е.П. В поисках оккультизма. М.: Изд-во «Сфера» Российского Теософского Общества, 1996. 447 с.
31. Калиев Ю.А. Мифологическое сознание мари. Йошкар-Ола, 2003. 216 с.

References

1. Shestalov Ju.N. Jazycheskaja pojema. M.: Sovremennik, 1971. 224 s.
2. Shestalov Ju.N. Kryl'ja // Sovetskaja kul'tura. – 1978. – Nojabr'. – S. 4.
3. Belaja G.A. Pereput'e // Voprosy literatury. – 1987. – № 12. – S. 80.
4. Akimov V.A. Sto let russkoj literatury. SPb., 1995. 384 s.
5. Lomidze G.I. Leninizm i sud'by nacional'nyh literatur. M., 1982. 182 s.
6. Vyhodcev P.S. Novatorstvo. Tradicii. Masterstvo. L.: Sovetskij pisatel', 1973. 544 s.
7. Shestalov Ju.N. Sobr. soch. SPb. – M., 1997. T. 1. 480 s.
8. Polonskij L. V sem'e edinoj. Tjumen': Tjumenskoe kn. izd-vo, 1982. S.18-24.
9. Shestalov Ju.N. Misnje. Tjumen', 1961. 114 s.
10. Kosihin V. Literaturnyj portret (mansijskogo pojeta Ju. Shestalo) // Moskva. – 1972. – № 12. – S. 204-208.
11. Shestalov Ju.N. Sinij veter kaslanija. M.: Hudozhestvennaja literatura, 1966. 204 s.
12. Lebedev V.D. Mansi. Oчерк istorii literatury. Tobol'sk, 1995. 159 s.
13. Balandin A.N. Predislovie // Shestalov Ju. Misnje. Tjumen', 1961. S. 7.
14. Komanovskij B.L. Puti razvitija literatur narodov Krajnego Severa i Dal'nego Vostoka SSSR. Magadan: Mag. kn. izd-vo, 1977. 199 s.
15. Poshataeva A.V. Literatury narodov Severa. M., 1988. 168 s.
16. Uljashev R. Trudnyj put' k pervoistokam // Mansijskaja literatura // Sost. V.V. Ogryzko. M.: Literaturnaja Rossija, 2003. S. 180.
17. Solouhin V. Vnuk shamana // Mansijskaja literatura // Sost. V.V. Ogryzko. M.: Literaturnaja Rossija, 2003. S. 131.
18. Zelinskij K.L. Oktjabr' i nacional'nye literatury. M., 1967. 114 s.
19. Prokushev Ju. Dal' pamjati narodnoj. M.: Molodaja gvardija, 1978. 193 s.
20. Voskoboynikov M. Jeti pesni legche pticy. Literaturnaja Rossija, 1977. S. 3.
21. Shestalov Ju.N. // Literaturnaja gazeta. – 1979. – Janvar'. – S. 3.
22. Ogryzko V.V. Posle potrasenij // Mansijskaja literatura / sost. V.V. Ogryzko. M.: Literaturnaja Rossija, 2003. S. 209.
23. Kachmazova N. V skazke rozhdaetsja zemlja // Mansijskaja literatura / sost. V.V. Ogryzko. M.: Literaturnaja Rossija, 2003. S. 166.
24. Shestalov Ju.N. Samaja chistaja radost'. L.: Lenizdat, 1985. 191 s.
25. Shestalov Ju.N. Sibirskoe uskorenje. M.: Sovetskaja Rossija, 1977. 80 s.
26. Pisateli Jugry // Bibliograficheskij ukazatel' / sost. Je. Surgutskova. Ekaterinburg, 2004. 301 s.
27. Shestalov Ju.N. Soznanie Toruma, soznanie Prirody – put' spasenija. Budapesht, 1997. 150 s.
28. Ionin G.N. Mif i novyj замысел Ju. Shestalo) / Литература народов Севера. СПб., 2003. С. 21.
29. Akimov V.M. Nekotorye obwie i konkretnye problemy jetnofilologicheskikh issledovanij «severnyh literatur» // Литература народов Севера. Литература народов Севера: сб. науч. ст. / под ред. G.N. Ionina i E.S. Rogovera. SPb.: Изд-во RGPU им. А.И. Герцена, 2002. С. 6-19.
30. Blavatskaja E.P. V poiskah okkul'tizma. M.: Изд-во «Сфера» Россиjsкого Теософского Обwestва, 1996. 447 s.
31. Kaliev Ju.A. Mifologicheskoe soznanie mari. Joshkar-Ola, 2003. 216 s.